

Юлия Бальмина

Ефим Акулов

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

КАК ЭТО –
ВИДЕТЬ
ТЕБЯ
КАЖДЫЙ
ДЕНЬ?

ALTER
EGO
BOOK

Ефим Акулов
Юлия Бальмина
Как это – видеть
тебя каждый день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67797179

SelfPub; 2022

Аннотация

Как часто стереотипы общества мешают нам быть счастливыми, навязывая свои правила и форматы?! В этом психологическом любовном романе авторы рассказали реальную историю. Интернет-знакомства, неудачные свидания и, наконец, встреча. Казалось бы, вот она, удача. Но тут-то все и начинается. Сомнения, страхи, ревность, измена... Почему они возникают и есть ли у них реальные поводы?! Честный, прямой диалог женщины с собой и мужчиной, который открыл ей свой дневник. И она увидела обратную сторону...

Повествование идет от лица женщины и дневниковых записей мужчины, проливающих свет на то, как на самом деле думал и чувствовал он.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Сайт знакомств	10
Глава 3. Любопытство сгубило кошку	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Бальмина, Ефим Акулов Как это – видеть тебя каждый день

Слово автора

«Единожды солгавший будет врать всегда». «Мужчина должен...» «Женщина должна...» «У меня есть чувство собственного достоинства». «Ты предал меня». «Он отдал ей то, что должен был давать только мне». «Он тебя использует». «Я никогда ему этого не прощу!»

Этой историей я хочу показать, какой может быть мир без стереотипов, если выйти за рамки.

Мир реальных мужчины и женщины. Героиня опускалась на эмоциональное и физическое дно жизни. Находясь в таких ситуациях, каждый имеет выбор – утонуть или оттолкнуться и взмыть вверх. Кто-то гибнет на дне, не сумев выбраться. Кто-то всю жизнь там проживает, находясь то в депрессии, то в эйфории. А кто-то поднимается и спокойно плавает на поверхности – он научился это делать. И такая

размеренная жизнь, пусть и не столь интересная и острозаметная, без взлётов и падений, и есть счастливая. Правда, особое удовольствие её прожить, когда ты всё-таки побывал на дне.

Не всегда нужно избегать того, что делает нам больно. Ведь боль эту мы испытываем, так как не умеем забираться в голову к другому человеку. Если бы мы знали, что там на самом деле, и не просто знали, а отнеслись с пониманием и уважением ко всему найденному, возможно, даже больно бы не было. Однако в таком случае жизнь потеряла бы свою интригу.

В книге не только её рассказ, но и его. Женщины просто мечтают покопаться в голове у мужчин, залезть в самые дальние уголки, а нельзя. Мой соавтор был так любезен, что впустил и меня, и всех вас.

Увидев этот пример, кто-то в своей ситуации, когда будет находиться перед выбором поступить так, как хочется или как учит общество с его стереотипами и предубеждениями, вероятно, сделает правильный шаг. И будет счастлив.

Юлия Бальмина

Пролог

Лариса присела к нему на колени. Болтая с захмелевшим приятелем, Саша крепко прижал её к себе, улыбаясь и украдкой, еле заметно, вдыхая запах её волос. Она такая яркая, 13 лет вместе, двое детей, а ему, похоже, всё ещё кажется, что она самая красивая девушка на вечеринке. Жена. Вертится туда-сюда, потому что хочет уделить внимание каждому в этой шумной весёлой компании. Сегодня – день его рождения.

Праздник прямо посреди строительного котлована: во-круг горы щебня, арматура, песок, доски, перекопанная земля – никакой эстетики. Но это – их новый (пока ещё не достроенный) дом. Молоды, и вся жизнь впереди. Мангал из подручных средств, сочный запах шашлыка, пластиковые стулья и длинная деревянная скамья, покрытая синими армейскими одеялами.

– А где ананасы? Не вижу ананасов! – выкрикивает уже подвыпивший друг.

Красные гвоздики. Разве дарят людям гвоздики?.. Кто мог придумать так странно украсить стол? Больше подходят

для поминок. Хотя, может, кто-то просто не донёс цветы до Вечного огня – сегодня ведь 9 Мая.

– Тост! Я хочу сказать тост! Спасибо за то, что вы пришли на этот спонтанный праздник. Я так рад, что, какие бы люди мне в жизни ни встречались, в мой день рождения всегда со мной одни и те же друзья.

В отличие от остальных, Саша за рулём, и в бокале – символическое пиво.

Видавший виды допотопный кассетник с оплавленным боком сумел пережить шалости неугомонных детей и, присыпанный песком, исправно выдаёт ритмы 90-х. Раскрасневшиеся мужчины строят грандиозные планы, братаются и клянутся друг другу в любви и верности. Женщины с химической завивкой сплетничают про мужей. Одна даже вскользь признаётся, что всякое бывало и три года назад хотела развестись. Но сейчас в это невозможно поверить, потому что все молоды и беззастенчиво счастливы.

Вальяжно развалившийся на стуле закадычный друг с голым торсом бесконечно сползает на пол, и Саша, смеясь, в который раз поднимает его.

Стоп-кадр...

Я молча вглядываюсь в старую кинохронику на экране. Последние беззаботные секунды счастья. Через несколько минут после этих мгновений моя собственная жизнь перевернулась навсегда, разом превратившись в непоправимую страшную драму. Режиссёр поменял ракурс и цвет – картинка стала серой. Лучший друг (тот самый, пьяный) и Саша (мой отец), который не давал ему упасть, меняются местами – теперь уже товарищ поднимает отца. Он несёт на плече гроб с его телом. Ларисы (моей мамы) нет среди скорбящих – её тело в соседнем гробу.

Бурное застолье сменилось тихими поминками. Вот такое будущее ждало этих молодых и весёлых. Убитые горем матери, венки, оркестр и красные гвоздики. Родственники – большинства из них уже тоже нет в живых. Мои подружки несут портреты. Сейчас, после 12 лет психотерапии, я даже могу обратить внимание на то, как одеты они.

Так странно сегодня видеть родителей в последний день их жизни. День, когда у меня ещё была семья. Провожать в последний путь из будущего благодаря идее их друзей снять это всё на видео. На похоронах я не была. Камера Panasonic, видеокассета, оцифровка, Яндекс.Диск – машина времени существует. Двадцать два года я могла делать вид, что, как все девочки, мечтаю выйти замуж и рожать детей, но в глубине души боялась этого. Потому что невыносимо страшно потерять семью дважды. Гораздо спокойней жить одной. Так я думала всё это время, но, может, пришла пора что-то ме-

нять?

Глава 1. Сайт знакомств

– Тебе тоже надо зарегистрироваться, – донимала меня Алька, – сейчас на улице уже не познакомишься с нормальным мужчиной.

«Да, – подумала я, – если б у меня ещё время было болтаться по улице». Но если я не решусь на этот сайт, мне не светят даже ненормальные. Одно радует – хоть фотки у меня есть приличные, спасибо путешествиям последней пары лет. Потому что выставлять искусственные фото, в секси-платьях, как другие барышни, а потом охать, что там все придурки, которым только одного надо, мне не хотелось.

Просидев несколько дней на сайте и поняв, что он не намного отличается от обычной жизни, я выработала стратегию. Всех неграмотных и фамильярных блокировать без разговоров.

«Чё делаешь сегодня?», «Как дэла, красавыса?» – вам дорога в бан, юноши, нужно учиться грамотно писать.

Я никогда никому не писала сама, это занятие неблагодарное. Но вот просматривать фотки и ставить «нравится / не нравится» – это то, что приличная девушка бальзаковского возраста могла себе позволить.

Каждый день, не покладая пальцев и телефона, я работала над отношениями. Всех граждан, не владеющих русским, –

в топку: простите, но я пока не научилась решать вопросы совместной жизни даже с людьми, говорящими со мной на одном языке. Представляю, что будет, если придётся ещё думать об артиклях и неправильных глаголах во время очередной семейной ссоры.

Платные сервисы я не подключала: какая мне разница, кто там ко мне заходил и кому я понравилась. Если совпадает пара, уведомление и так приходит. И если мужчина не дурак, он напишет. В конце концов, в Москве больше пяти миллионов мужчин, а мне нужен всего один. Так что настроена я оптимистично. «Даже если вам немного за 30, есть надежда...»

Долго крутить мозги и переписываться, я считаю, не стоит.

«Привет! Как дела?» – и договариваемся о встрече, если мужик неженатый и в адеквате. Ну, хотя бы в переписке. Правда, бывало, что после договоренностей о встрече, когда он получал мой номер, в бан улетала я. Этих коллекционеров цифр я так и не разгадала. Была парочка почти маньяков, но мой психоаналитик успокоила, что дальше этих разговоров в сети дело не зайдёт.

Врач из Лыткарино

Он был одним из первых, с кем я познакомилась на сайте. Меня все пугали отморозками, а написал такой обычный мужчина. Мы немного пообщались в сети – простой разго-

вор, с юмором, – и он предложил встретиться в кафе. Я не стала долго морозиться – если человек не отталкивает, нужно встречаться, чтобы понять, есть ли у вас шанс на будущее.

Нервничала, конечно, хотя не так сильно, как раньше в свои до-сайтовские и до-психотерапевтические времена. А ведь я когда-то даже прошла через серию свиданий вслепую – подруги очень желали мне женского счастья, поэтому постоянно подсовывали своих одиноких знакомых. Я соглашалась всегда без капризов. Понимала, что иначе на меня повесят клеймо жертвы. И скажут, я сама виновата, что одна.

Мы быстро преодолели смущение первых минут встречи. По крайней мере, он не казался скованным. Болтали о прошлом, о настоящем. 38 лет, хорошо сложен, пахнет вроде не противно. Разведен – в его возрасте это не отталкивает, странно, если не женился до сих пор. Настроен на серьёзные отношения. Бывший военный – может, поэтому так всё рапортует. Но на первый взгляд не зануда. Недавно перешёл на работу из Москвы к себе в город и очень рад. Надоело мотаться.

Врач. Эх, вот тут мимо. Я в последние годы жутко разочаровалась в традиционной медицине. Да и люди этой профессии мне кажутся не совсем нормальными. Мазохисты. Учиться столько лет, чтоб получать три копейки, с постоянным риском уголовной ответственности за то, что помогаешь людям. И это при том, что человек бессилен перед природой. Зачастую не лечение, а борьба с симптомами. И в итоге

всё вертится вокруг анализов, направлений и гор таблеток. А что делать? Врачи – заложники системы. Отсутствие нормальных доходов делает их жёсткими, а постоянные соприкосновения с болью и смертью – циничными и чёрствыми.

И живёт он, конечно, далековато. Судя по тому, что осел в своём городе, в мой точно мотаться не будет. Любовь на расстоянии – не знаю, готова ли я.

Вишенкой на торте стало то, что он ездит на мотоцикле. Ну уж нет, увольте. Жить с тем, кто разъезжает между машинами как сумасшедший, нарушая все правила и законы, – желания нет. Для меня человек, севший за руль мотоцикла, не может быть надёжным мужем и отцом. Предубеждение, но ничего не поделаешь.

Мы проболтали несколько часов, и я даже заказала второй десерт – успела проголодаться. Свидание было нескучным, но «искра» не промелькнула. Просто приятный мужик. И позитив оттого, что на сайте не одни маньяки.

После встречи он написал, что я ему понравилась, и он хотел бы продолжить общение. Я согласилась. И тут же дала ход назад. Кого я обманываю своим статусом на сайте? «Ищу мужчину для создания семьи» – ведь это враньё. Я боюсь этого как огня. Я столько лет живу свободно и не готова притираться с каким-то даже очень приятным мужчиной. И уж тем более переезжать к нему в другой город. Или постоянно переживать, превратился ли он там на своём мотоцикле в донора органов или ещё нет.

Поэтому я изменила анкету, убрав всё про семью. Достаточно просто найти удобного мужчину для встреч. Не думая о высоких материях и тем более о детях. Да, мне 33, и уже пора, но я не хочу прям так сразу. И похоже, теперь я могу честно в этом себе признаться.

Английский писатель

Я категорически отвергала всех иностранцев на сайте. Прям даже анкеты не открывала и не отвечала на сообщения. Конечно, причиной было в том числе и моё плохое знание английского. Я попробовала пообщаться с одним парнем из Австралии, попросив его стать моим тренером по языку. Он согласился, но, увы, знаний мне не хватало. Тогда я только изредка брала уроки, чтоб не чувствовать себя полным лохом в Европе на таможне (серьёзно я задумалась об изучении языка, когда впервые оказалась на голландской границе и меня чуть не депортировали назад в Россию, но это другая история). В общем, иностранцев я не жаловала.

Однако, когда мне написал латиницей на прекрасном русском англичанин, я не удержалась и ответила. Всё дело в моей слабости к грамотной речи. И если человек вежливо и правильно ко мне обращается, кем бы он ни был, я не могу его проигнорировать.

Приветственная фраза англичанина была витиеватой, демонстрировала не только хорошее знание русского языка, но и наличие интеллекта. Мы начали болтать. Оказалось, он пи-

сатель. Мать русская, отец англичанин. Родился в Англии, но долгое время жил и работал в Москве. Также оказалось, что один из его романов очень известный и переведён на десятки языков, в том числе и на русский. Я сразу захотела его прочесть, о чём сообщила новому знакомому.

«Я хотел бы подарить эту книгу тебе лично, когда буду в Москве».

Не могу сказать, что он сразу мне понравился. Да и его проживание в другой стране не очень-то вдохновляло. Но как не встретиться с настоящим писателем! Если честно, я долго не могла поверить, что это и правда он. Это же сайт знакомств. Откуда тут знаменитость, про которую море статей в интернете? Наверняка это фейк. Или проходимец.

Написать ему об этом в лоб я стеснялась. И когда он сообщил мне о своём приезде в Москву, решила на встречу. Мы увиделись в центре, он выбрал очень приличный ресторан.

Высокий, полноватый. Я никогда не общалась с бородатыми мужчинами (тогда бороды ещё не стали повальным трендом) и смотрела на него с опаской – что там скрывается под всеми этими волосами на лице.

41, двое детей, не разведён, но с женой не живёт. Она ушла от него потому, что не смогла терпеть его роман с творчеством. Жена, кстати, русская. Я так и не узнала, что у него с женой на самом деле.

Книгу подарил. Проболтали весь обед. Невероятно обая-

тельный человек. Я была смущена этим общением, но при этом понимала, что будущего у нас нет. Мне казалось странным встречаться с иностранцем. На прощание он троекратно расцеловал меня по русскому обычаю, и это было очень забавно – так я узнала, что борода – это не самое страшное, что может случиться с женщиной.

Книга оказалась годной, а он хорошим человеком. Мы до сих пор дружим, хоть последние пару лет не встречались. Я в очередной раз убедилась, что на сайтах знакомств бывают и нормальные мужчины. Просто не всегда нам по пути.

Айтишник

Немного старше меня, интеллигентный. Без лишних прелюдий мы договорились встретиться в кафе. И уже через полчаса я доедала второе пирожное, совершенно очарованная им. Он был идеального возраста, разведён, жил в Москве в нормальном районе. Ещё в переписке выяснилось, что оба работаем в IT-сфере. Он занимал неплохую должность. Так как мир IT мне близок (не то что медицина), я была довольна.

Мы оба поделились опытом общения на сайте. Я рассказала, что мне до сих пор попадались только нормальные мужчины. Правда, встреч у меня было всего ничего – на сайте я недавно. Он ответил, что почти все, с кем он встречался, с каким-нибудь приветом. Так я услышала историю с той стороны баррикад. Оказалось, мужчины тоже постоянно стал-

квиваются с неадекватным поведением.

Через пару часов я посчитала, что мы уже достаточно близки, и назвала компанию, в которой работаю. С воодушевлением рассказала, что я не только офис-менеджер, но ещё визажист, стилист и занимаюсь организацией творческих корпоративных мероприятий для сотрудников компании. И под конец добавила, что я – ассистент генерального директора. Он опешил. Выяснилось, что он близко знает моего руководителя. Такое совпадение ему не очень понравилось. Почему, я так и не узнала – больше мы не общались. Зато утвердилась в мнении, что на подобных сайтах водится и очень приличная рыба.

Предприниматель

Мы встретились в кафе «Шоколадница» на «Октябрьском Поле». Он бросил на меня оценивающий взгляд, заказал мне чай, себе кофе. Десерта не предложил и попросил сразу забрать меню.

У него был какой-то небольшой бизнес. Чувствовалось, что мужик всегда в отношениях доминирует. Мы беседовали около часа, но меня не покидало ощущение, что я разговариваю с коллегой или попутчиком в поезде: вроде как жизнь забросила нас сюда в этот час, и нужно говорить, потому что не молчать же.

Короче, мы друг другу не понравились с первого взгляда. И, расставаясь, даже не попытались сделать вид, что увидим-

ся снова.

Егор

«Привет тебе, обладательница весёлого взгляда и очаровательной улыбки! Как настроение этим тёплым летним вечером? Чем занимаешься?»

«Неплохо, – подумала я, – он умеет писать слова длиннее 10 букв – уже повод ответить на сообщение. Это тебе не дежурные сайтовские “Привет, чё делаешь?” или “Как на счёт встретиться?”».

На сайте знакомств я не придираюсь к фоткам и внешним данным, но вот к первому сообщению – да. Хотя вру: если мужчина позирует в плавках или выглядит как голливудский актёр или миллионер – сразу пролистываю. Потому что это стопудово либо агентства, разводящие девушек на бабки, либо самовлюблённые нарциссы, которым, кроме мышц, показать нечего. А у этого фотографии обычные, средненькие. Правда, голубые глаза на одной из них смотрят прямо в душу. Ну да ладно, отвечаю: «На даче у подружки отдыхаю :) А как у Вас проходит вечер?»

Два дня молчал. Уже забила на него, и тут: «А я отдежурил и валяюсь в постели. Пью зелёный чай. Хотя вымотался так, что неплохо бы в кресло-качалку возле камина, укрывшись шерстяным пледом, с котом Васькой на коленях и попивая горячий шоколад».

Хорошо написано, но я не удержалась – камин, плед, и это

в 30-градусную жару?

«А вы часом не заболели, юноша? Может, это озноб?»

И в ответ тишина. Кто за язык тянул.

Через два дня ответил. Оказалось, дело в занятости на работе, а не в шутке. У врача ни минуты свободной нет. Да-да, именно врач. Почему как более или менее нормальный мужик – так сразу врач? Хотя раньше всё попадались алкоголики, игроки и прочие, непригодные для отношений. Может, надо перестать капризничать и признать, что все профессии нужны?

Мы переписывались почти две недели. Меня тянуло к этому общению, хотя начинало казаться, что всё как всегда. Лишь фантазии и мечты. Ведь когда ты видишь только фото и буквы – разве это человек? Нет, раньше я могла жить в своих иллюзиях со сказочными партнёрами в голове, но не сейчас. Походы к психоаналитику делали своё дело. Медленно, но верно я училась жить не просто в настоящем – я училась жить реальной жизнью. Я дала Егору свой номер телефона, но дальше сообщений во «ВКонтакте» наши отношения не двигались. Нужно что-то решать, какой смысл в пустом общении? К тому же я не понаслышке знаю цену затянувшейся переписке с парнями.

Однажды я случайно залезла в почту к Глебу, с которым жила пару лет (это был мой первый опыт совместной жизни, хоть мне уже и стукнуло 31). Он где-то гулял, а на экране компа всплыло сообщение. Ну как не открыть? И я не толь-

ко открыла его, но и перечитала остальные письма. То была переписка с другой женщиной. Он слал ей фривольности, скабрёзности, осыпал словами любви, искал встречи. Я была разбита, хотела уйти. Меня остановила только моя заниженная самооценка. Открыв этот ящик Пандоры, я уже не могла остановиться и продолжила наблюдать. Это был необычный опыт – тайно узнавать, что человек от тебя скрывает. СМС в телефоне, переписки в соцсетях. Знакомства с другими женщинами, враньё о том, что он одинок. Я молчала и ничего не рассказывала ему очень долго.

Самое интересное, что в большинстве случаев эти его переписки ничем не заканчивались. Тогда я и узнала, что есть такой тип мужчин. Их много на сайтах знакомств. Их цель – не знакомство и встреча в реальности. Они переписываются с женщиной, создавая образ, в котором могут быть не совсем собой. Могут придумать себе детали биографии, род деятельности. В этих своих переписках они почти как я когда-то в фантазиях о возлюбленных. Только тут они придумывают не партнёра, а себя.

Психоаналитик успокаивала, что часто подобные переписки у мужчин – довольно невинное занятие и ни к чему не приводят.

Когда я всё-таки рассказала Глебу, что читала его сообщения другим женщинам, он оскорбился. Вместо того чтобы приносить извинения за обман, он обвинил меня во вмешательстве в его личную жизнь. Какой жук. Но его упрёк,

тем не менее, был справедливым. Потому что мы никогда не будем правы, залезая без спроса в телефон или письма партнёра. Это его личное дело, что он там пишет и кому. Кроме боли и разочарования, ничего это не принесёт. Так мы не уличаем партнёра в изменах – так мы унижаем себя.

В общем, я не выдержала и с утра пораньше написала Егору: «Мне нравится с тобой общаться. Я люблю поболтать. Правда, так как у меня много работы и почти нет выходных, я стараюсь встречаться в свободное время в реальности. Есть люди, которым нравится жить в сети, это нормально, но я не такая. Ты приятный собеседник, и я испытываю теплоту, когда переписываюсь с тобой. Но что дальше? Я вижу много фотографий, и мне воображение рисует разных людей. Испытывать какие-то чувства к фото, кроме симпатии, я не в состоянии. Телефон мой у тебя есть, захочешь общения – звони, встретимся. Надеюсь, я не обижаю тебя этим сообщением».

Отправила и тут же пожалела. Ну нормально ведь общались, зачем гнать лошадей? Хотя нет. Всё правильно. Хватит тратить время на всякую ерунду. Он, может, только и делает, что переписывается с девушками с сайта, но никогда ни с кем не встречается.

Целый день на работе я не могла отделаться от мысли, что разрушила отношения. Проверяла свои сообщения во «ВКонтакте» каждые пять минут, но там ничего не было. Состояние, когда ты ждёшь сообщения, похоже на чесотку:

нестерпимо хочется почесать то одно, то другое место, и ты знаешь, что сделаешь себе только хуже, но не можешь не думать об этом.

К вечеру я готова была биться головой о стенку и прикидывала, как снова выстроить мосты, которые я сожгла утром. Ведь это верх идиотизма: после сообщения, в котором ты написала «я не буду больше с тобой переписываться», опять начать переписываться.

Егор спас меня от неврастения:

«У тебя есть домашний телефон?»

«Нет, у меня мобильный безлимитный», – я чуть не описалась от счастья.

«Тогда звони».

И прислал мне свой номер.

Конечно, можно сказать: «Фууу, у него что, денег на телефоне нет? На хрен вообще такой мужик?» Но я тогда об этом не думала. Ну, или почти не думала. Буду честной. Чуть-чуть всё-таки задумалась. Ведь я прошла огромный путь к тому, чтоб не платить за мужчин. Да-да, даже в 20 лет, будучи студенткой университета, совершенно неплатёжеспособной и на содержании дяди, я давала мальчику, с которым тогда встречалась, деньги на маршрутку.

Потом я была не против купить пива своему мужчине, ведь у него нет денег, потому что он всё отдаёт своей жене, а у меня нет прав на чужой семейный бюджет. Хватит и того, что я встречаюсь с её мужем, – можете кидать в меня палка-

ми, но я прошла через этот роман длиною в три года и не чувствую себя виноватой. У меня были свои причины, у него – свои. Из семьи я никого не выводила. Разошлись они позже, и без моего участия.

Потом были полтора года с мужчиной, которого уволили с работы за пьянку. Он сначала сидел дома три месяца со сломанной ногой и не мог зарабатывать. После выздоровления он тоже не мог зарабатывать, потому что уходил в запои. Конечно, я покупала нам еду – как иначе-то? Но наступил момент, когда я всё-таки ушла, и мой давний знакомый на известие, что я снова свободна и отдаюсь в добрые руки, сказал:

– Да тебя взять-то страшно. У тебя же на лбу написано: «Я всё сделаю сама!»

Я серьёзно задумалась. Сказала всем новым отношениям: «Стоп!» – мне нужно было научиться общаться с собой и с деньгами. Если я рядом с мужчиной – неважно, должен он мне что-то или нет, – кошелёк не достаю. Прямо вот хочешь заплатить – сунь руку под горячую воду, чтоб тебе было не до этого. Я встречалась за обедом с мужчинами, и моя совесть истекала кровью в тот момент, когда приносили счёт, а я продолжала болтать о пустяках, всячески уходя от мыслей об оплате. И они платили, улыбались и приглашали меня на обеды и ужины снова. Всю жизнь в моей голове сидела мысль: «Ага, за это должна последовать расплата...» (ну секса они то бишь хотят). Но я боролась с этими чертями.

В конце концов, даже если они чего-то хотели от меня, я об этом так и не узнала. А в тех случаях, где узнала, мне давали понять, что это не расплата за ужин, а просто их отдельное от приёма пищи желание, которое я имею право и не подерживать.

Вспоминаю, как в кино даже не думала покупать себе билет, идя туда с другом, а вместо этого капризным голосом маленькой девочки требовала мороженое. И видела довольное лицо моего кавалера. Я не стану сейчас спрашивать, что он думал тогда на самом деле. Это не главное. Главное – та наша жизнь, которая случилась в реальности, а не в моей и его голове.

Я очень благодарна мужчинам-учителям, которые встретились на моём пути тогда, и я до сих пор с теплотой общаюсь с ними, когда выпадает такая возможность. Тем более что плачу по-прежнему не я.

Телефонный разговор с Егором закончился договорённостью встретиться буквально через пару дней, погулять на районе. Он пытался сказать, что всё время допоздна работает, но факт, что мы жили на соседних улицах, дал нам шанс вырвать час времени на свидание. Это была и победа, и страх. На фотографиях во «ВКонтакте» он был такой разный: то стройный и подкачанный, то такой, который в дверь проходит только боком, и то с трудом. Кроме того,

мы собирались прогуляться. В кафе встречаться проще – вокруг многолюдно, нужно выбирать напитки, смотреть в меню, можно выйти в туалет помыть руки, позвонить подруге и попросить:

– Ради Бога, набери меня через минуту и скажи, что я срочно должна бежать домой – у нас потоп.

А тут просто встреча у подъезда, как будто мы два школьника, а не разменявшие четвёртый десяток сознательные граждане. Как я ни старалась, нервничать перестать не могла – ведь вот сейчас, после двух недель переписок, всё случится!

Из его дневника

В детстве у меня была любимая игрушка – яркая деревянная кукла с длинными верёвочными ногами, в бело-красном полосатом колпаке с пегой капроновой шевелюрой по краям. И с широкой улыбкой от уха до уха (вернее, ушей у куклы не было, но если бы были, то улыбка аккурат разместилась бы между).

«Буратино!» – вот кого Юля напомнила мне, стоило впервые глянуть на присланные фотографии. Длинные ноги, светлые волосы и большая, простецкая, «колхозная» улыбка на пол-лица. Загородный дачный антураж только усилил впечатление. Юля сразу мне не понравилась, и я решил, что приглашать на свидание не стану, отложив анкету в (как тогда казалось) долгий ящик.

Но спустя несколько дней мы возобновили общение. Юля

была настойчивой и, что самое главное, – умной и интересной, сумела преодолеть реду́т моих стандартных безликих шаблонов-заготовок для интернет-знакомств, исподволь вовлекая в искренний шутливо-интеллектуальный флирт.

К тому времени у меня уже сформировался универсальный набор фраз и вопросов, позволявший довольно легко знакомиться на сайтах. Этот шаблон успешно решал две основные задачи: сразу давал понять девушке, что она имеет дело с грамотным человеком, выгодно отличая меня от большинства прочих соискателей, пишущих в первом сообщении «поехали-ко-мне-детка-не-пожалеешь». Во-вторых, шаблон избавлял от необходимости каждый раз сочинять свежие перлы, позволяя общаться с новыми барышнями, не прилагая на первых порах серьёзных усилий.

«Привет тебе, обладательница весёлого взгляда и очаровательной улыбки! Как настроение этим промозглым осенним вечером? Чем занимаешься?» Если на фото в анкете девушка выглядела серьёзной и не улыбалась, то «весёлый» взгляд заменялся на «задумчивый» или «пронзительный». Эта мелочь должна была демонстрировать, что я не рассылаю одинаковые сообщения всем подряд, а внимательно изучаю каждую анкету и пишу только ей одной. «Промозглый осенний» вечер в зависимости от времени года превращался в «заснеженный зимний», «тёплый летний», «дождливый весенний» и т. д. Ответ на вопрос не имел значения: «Только что пришла с тренировки», «ничем не занимаюсь,

а ты?», «лежу читаю» или «настроение бодрое». Моей следующей репликой неизменно было: «А я отдежурил и валяюсь в постели. Пью зелёный чай. Хотя вымотался так, что неплохо бы в кресло-качалку возле камина, укрывшись шерстяным пледом, с котом Васькой на коленях и попивая горячий шоколад». Реакция девушек на эту фразу делилась на два типа. Часть соглашалась: «Да-да, так романтично», другая часть недоумевала: «Ты пенсионер, что ли, в кресле сидеть?» В ответ я писал: «Ну, тогда уж лучше не в кресло-качалку, а на медвежью шкуру, и не горячий шоколад, а глинтвейн, и не с котом Васькой, а с любимой девушкой (в твоём случае – с мужчиной)». Девушки либо одобряли: «Вот, это уже совсем другое дело!», либо интересовались: «А что мешает?» Некоторые, правда, жалели медведя и говорили, что не любят шкуры животных. Я продолжал: «Дело за малым: осталось только найти камин и любимую девушку», и сразу спрашивал: «А ты давно здесь? Много достойных людей? Много пошлости?», после чего многие девушки действительно делились впечатлениями. В ответ у меня был заготовлен короткий монолог с рассуждением о специфике интернет-знакомств, типа: «Сайт – лишь иллюзия богатства выбора, где теряется ценность каждой отдельной встречи, ведь столько разных вариантов, что поневоле начинаешь думать: “А какая разница? Не эта, так другая. Их здесь тысячи. Конвейер”», – с грустью подытоживал я и заканчивал мыслью, что я-то – совсем другой, я

– настоящий. И этим либо окончательно закреплял успех и получал номер телефона, либо общение постепенно сходило на нет.

Раздобыв таким же способом номер телефона Юли, перезванивать я не собирался. Но ей удалось меня растормошить. Быстро прогнав стандартную программу диалогов, я вдруг обнаружил, что шаблон закончился, и мне приходится думать над ответами. Мы, словно играя в бадминтон, перебрасывались фразами, шутками и серьёзными рассуждениями, и наша болтовня в итоге увлекла меня настолько, что, несмотря на то, что Юля казалась некрасивой, я пригласил её на свидание.

Я боялась увидеть ожирение, превышающее мою толерантность, но оказался скорее качок, пусть и с излишним весом. Главное, глаза ещё круче, чем на фотках, – бездонные, светлые, пронзительный взгляд, как у героев-любовников в кино. Слава Богу, нет чувственного порочного рта – тонкие губы уравнивают.##

##

Мы пошли рядом. Я болтала без умолку, а внутренний голос параллельно говорил, что он скромняга. Совсем не выглядит ровесником, мужиком, наверное, из-за румянца – бруталы среднего возраста не имеют таких мальчишеских щёк.

Рубашка заправлена в немодные джинсы с классической посадкой, хотя было бы странно, если бы врач был в тренде. Кажется, у меня профессиональная деформация – всё лицо и одежду разобрала по косточкам. Это я волнуюсь, что ли? Давно не была на свиданиях.

Я задавала вопросы, а он немногословно отвечал. Рассказал, почему стал врачом. Ведь меня всегда волновал такой странный выбор профессии. Оказывается, всё просто – мама врач. Родители живут в Чите. Тут для меня была только одна ассоциация: «ФелиЧита, слева – китайцы, справа – японцы, фелиЧита...» Но родился в Алма-Ате. Забавно, наверное, быть русским, светлым, голубоглазым мальчиком в Казахстане.

Мы сидели на лавочке на детской площадке. У меня было странное чувство. Никак не могла понять: он мне нравится или нет. С одной стороны, странный, блин, какой-то. Совершенно не похож на всех моих знакомых мужчин. Я и правда уже лет 15 не гуляла ни с кем по улице и не сидела на лавке. Но он определённо не противный – хочется придвинуться к нему поближе.

Несмотря на август, вечером быстро холодало, и нам пришлось заканчивать это практически из прошлого века свидание.

Придя домой, я написала: «Спасибо за чудесную прогулку, мне очень понравилось». А на следующий день со съёмки я отправила ему фотку в своём самом коротком платье. Я

уже пару недель носила исключительно короткие платья. Он отреагировал очень по-мужски. Написал, что нельзя присылать такие фото на работу. Вокруг люди, и теперь ему неловко вставать из-за стола. Это польстило моему самолюбию, и я предложила повторить вечернюю прогулку. Променады перед сном – это же так полезно для здоровья.

Я повела его в район, где жила до 6 лет и где прошла большая часть моего детства. В какой-то момент, переходя дорогу, я сделала вид, что ужасно боюсь машин, и взяла его за руку. И больше не отпускала, а он свою не отдернул. Вот так мне нравилось гораздо больше, а то какой-то совсем скромный юноша. Неудивительно, что он не был женат до своих 33 лет. Вообще, он моложе меня почти на два года – давно у меня не было таких юнцов.

Когда мы подходили к моей первой школе, и я почувствовала запах мокрых листьев, то как будто перенеслась в детство. Осень уже была на подходе, и её ароматы кружили голову. Накатили воспоминания. Вот Дом пионеров. В первом классе я ходила на все кружки – лепка из глины, выжигание, хор, сольфеджио. У меня был низкий разговорный голос и очень высокий вокал. Учительница показывала меня коллегам как неведомую зверушку – их забавлял такой контраст. К моему второму классу она забеременела, и больше учить меня вокалу было некому.

Мы дошли до дома, который был моим в детстве, и даже заглянули в окна.

– Так странно жить далеко от места, где ты родился. Я давно тут не была, но всегда знаю, что могу прийти.

– А я ни разу не был в Алма-Ате с тех пор, как уехал 20 лет назад. И вряд ли уже поеду, потому что почти всё время отнимает работа.

Я подумала, что это несправедливо. Человек должен иметь возможность вернуться в свою юность.

Пока я размышляла, мы уже направились обратно. Вдруг я почувствовала, как он пытается высвободиться из моей руки. Почему, нормально ж всё было?! Но сопротивляться не стала. Когда мы подошли к дому, он коротко чмокнул меня в щёку и сухо простился. Странно. Никак у меня не вязалась такая сдержанность с его более чем живой реакцией на мои «длинноногие» фотографии, которые я ему прислала.

Мы общаемся уже почти месяц и неделю встречаемся. Вернее, два раза гуляли по городу и каждый день переписываемся. И больше ничего не происходит. Я отправляю свои фотки в коротких юбках, он позитивно реагирует. Но дальше – ничего. Значит, наступило время для тяжёлой артиллерии: варю борщ и зову зайти ко мне помочь повесить картину.

– Нужна дрель, а у меня нет, – сокрушается он.

– Так это не страшно, у меня-то как раз есть, – именно для случаев, когда мужчина хочет соскочить, я уже давно приобрела прекрасный перфоратор Makita.

– Отлично, у меня не очень много опыта в сверлении стен, но я думаю, справлюсь.

– Я в этом просто уверена.

Так как пока он возился с картиной, заняться мне было нечем, я решила отвлекать его разговорами.

– Я не кажусь тебе странной девушкой? У тебя вообще было много знакомств через интернет? Были какие-то необычные?

– Да. Были чрезвычайно необычные!

И он в подробностях рассказал мне историю одного удивительного знакомства.

– Как-то познакомился с девушкой случайно в «Аське». Дейтинг-сайты тогда ещё не были популярны, а мобильных приложений не существовало. Я «постучался», она ответила, завязалась интересная беседа. Между прочим выяснилось, что Марина – хозяйка собственного бизнеса, обеспеченная и самодостаточная. Общение увлекло обоих, девушка была начитанной, с отличным воображением и широким кругозором. Договорились увидеться.

«Ты не против, если со мной будет младшая сестра, она давно никуда не выбиралась?»

«Конечно, приходите вместе».

Марина оказалась симпатичной невысокой шатенкой, с большими карими глазами, волосами до плеч и слегка мяукающим протяжным голосом. Сестра – почти полная противоположность: пышная, розовощёкая, активная, с заливи-

стым весёлым смехом. Одеты обе были дорого, но неброско.

Мы гуляли на Воробьёвых горах и закончили вечер в уютном грузинском ресторанчике с домашним вином. Марина настойчиво предлагала расплатиться за ужин, но я отказался.

Свидание мне понравилось. Сестра Света без умолку болтала, а Марина была скромна, мила, обаятельна и немного загадочна.

А когда на следующий день мы созвонились, Марина обескуражила меня, рассказав вдруг, что у её сестры – лимфогранулематоз. Онкологическое заболевание.

Я опешил.

– Но Света вчера не выглядела больной или расстроенной!

– Она просто не осознаёт, она ещё маленькая.

– А всё-таки она казалась абсолютно здоровой и счастливой.

– Нет, Егор... Мы стараемся оберегать её и делаем вид, что всё нормально. Она не понимает.

Решив, что со здоровьем близких шутить не будет ни один здравомыслящий человек, я поверил.

Мы продолжали встречаться. Марина нравилась мне всё больше и больше.

Но однажды она вдруг снова огорошила меня, рассказав, что в прошлом году забеременела, родила двойню, но оба ребёнка погибли в страшной автомобильной аварии. Марине удалось выжить, а тогдашний её молодой человек сразу

бросил её. Я оторопел.

– А почему ты так буднично сообщаем мне об этом?

– Переболело. Пережила.

– Но у тебя на глазах погибли твои первенцы! Как тебе удаётся так хладнокровно описывать подробности, ведь прошло совсем немного времени?!

– Я сильная. Я привыкла справляться одна. Я должна идти вперёд. Иначе я бы не добилась того, чего добилась.

И в этот раз я снова решил, что здоровье, а тем более смерть детей – это совсем не то, с чем можно шутить. И опять поверил.

В остальном всё шло прекрасно. Мы продолжали встречаться, гуляли, переписывались.

Как-то на выходных Марина намекнула, что хочет сделать сюрприз, и прислала адрес, куда мне предлагалось вечером приехать. Найдя нужное место, я обнаружил дорогой отель. В роскошном двухкомнатном номере ожидал весьма недурной ужин, вино и игриво улыбающаяся Марина в невесомом чёрном пеньюаре.

Утром, проснувшись на моём плече и сладко потянувшись, Марина вдруг спросила: «А знаешь, что? Можно я подарю тебе подарок?», и достала из шкафа коробку с новым ультрасовременным ноутбуком. Я категорически отказался. Марина, пытаясь всучить мне коробку, рассыпалась в уверениях, что «для неё это ничего не стоит», «возьми, пожалуйста, мне будет очень приятно» и «обижусь, если откажешь-

ся». Я упирался. Она настаивала. Не дожидаясь завтрака, я ушёл с непонятным чувством неуместности и недосказанности.

Вскоре мы помирились и больше ни разу не возвращались к этой ситуации.

А отношения развивались своим чередом.

Близился Новый год. Марина захотела романтическое путешествие в заснеженную Карелию. Долго спорили, кто будет оплачивать. Она, как обычно, предлагала покрыть всю стоимость. В итоге договорились пополам.

Поездка оказалась просто сказочной. Нежность и секс тайком на полке под простынёй среди храпящих мужиков в купе. А по прибытии в Петрозаводск прямо у поезда нас встретили танцами и кружкой медовухи. Поселили в фешенебельном отеле в Кондопоге. Потом – незабываемая ночная поездка на снегоходах по зимней лесной тропе, когда в тишине падающих снежинок сквозь склонившиеся ветви деревьев проглядывает луна. И поездка на санях к Деду Морозу, с горячей сливовой наливкой и песнями у костра. И полёт на грохочущем вертолёте МИ-8 на остров, где стоит деревянный замок, выстроенный без единого гвоздя. И водопады в зимнем лесу, и поездки на собачьих упряжках.

Нужно отдать должное: Марина умела сделать красиво.

Правда, ближе к концу поездки она стала часто бегать в туалет и жаловаться, что её тошнит и рвёт. А спустя неделю после возвращения позвонила сказать, что беременна. Двой-

ней.

И вот тут уже, несмотря на предшествовавшую романтику, моя наивная доверчивость, наконец, уступила доводам рассудка.

– А как ты узнала, что беременна? Мы же лишь неделю назад вернулись. У тебя не могло быть задержки.

– У меня тест положительный. Меня увезли по скорой на сохранение!

– Забрали со сроком в одну неделю?! (Тут я с трудом сдержался, чтоб не хмыкнуть в трубку.)

– А я врачу не сказала, какой у меня срок!

– То есть врач скорой помощи повёз тебя в больницу, не зная срока беременности? (Беседа становилась всё интереснее.)

– Ну да. Я кричала, что мне плохо и я могу потерять детей!

– Хм. Детей? А почему ты решила, что там двойня?

– УЗИ сделала!

Моё изначальное весёлое недоумение сменилось злостью и досадой: да за кого она меня держит? Какой такой специалист УЗИ на недельном сроке смог не то что увидеть плодное яйцо, так ещё и разглядеть двойню?

– Что ты молчишь? Ты нас не любишь? Мы тебе не нужны?

Тут вдруг мне вспомнилась и её вроде бы больная, но пышущая жизнелюбием сестра, и погибшие в аварии двойняш-

ки. А теперь ещё и новая беременность. Пазл начинал потихоньку складываться: что-то было не так с этой Мариной.

Дальше стало понятно, что нет и не было никакой беременности. И болезней. И, вероятно, погибшей двойни. Как и следовало ожидать, мы в итоге расстались.

История закончилась.

Но оказалось, самое интересное было ещё впереди.

После расставания Марина начала заваливать меня сообщениями и звонками. В ход шли все доступные средства связи – СМС, электронная почта, социальные сети. Она бросалась из крайности в крайность: то слёзно просила возобновить отношения, то грубо оскорбляла, то угрожала уничтожить.

А потом мне вдруг позвонили мои родители, живущие в далёком сибирском городке, и рассказали, что вчера к ним в гости приезжала... да-да, Марина! Заявила, что она – невеста их сына. Видимо, раздобыла адрес, используя свои связи в паспортном столе. Привезла огромный букет цветов и дорогой кухонный комбайн в подарок. Мама растерялась, пригласила войти, предложила чаю. А отец, стреляный воробей, мгновенно оценил ситуацию, запретил матери принимать подарки и ушёл в другую комнату, демонстративно отказавшись общаться с Мариной. Немного посидев на кухне и натянуто перекинувшись парой фраз с мамой, псевдоневеста была вынуждена ретироваться.

На следующий день Марина позвонила и в слезах расска-

зала, что от переживаний ей стало плохо, отказали ноги, и её госпитализировали в местную клинику. На мой вопрос «куда?» она без запинки выпалила: «В больницу по улице Ленина, я не знаю точно, как она называется». Я предложил помощь, ведь мои родители живут как раз рядом с этой больницей, могут принести передачу. Марина после короткой заминки стала отказываться: «Нет, ко мне никого не пускают, и я не хочу беспокоить твоих родственников, я сама справлюсь, мне не привыкать, меня тут хорошо лечат». И пропала на несколько дней.

Но на этом осада не закончилась. Вернувшись в Москву, Марина пробовала разные методы. Пыталась манипулировать: зная о моей любви к эпистолярному жанру, предложила интересную подработку. С жаром поведала, как в своё время вела рубрику в журнале *Cosmopolitan* и по заданию редакции ходила в бар в обтягивающем красном платье, а потом написала статью от лица проститутки. Мне же обещала, используя оставшиеся связи в редакции, опубликовать в *Cosmo* любой мой материал. И несусветный гонорар. Уверяла, что я талантлив и просто обязан писать. Думаю, не нужно объяснять, что предложение оказалось полным враньём.

После бесплодных попыток достучаться Марина предупредила, что не может больше жить в городе, где всё напоминает обо мне, и поэтому уезжает. Далее последовали красочные письма с налётом грусти и обилием деталей: как она просыпается утром в новой квартире и что видит из окна,

кого она встречает по пути на новую работу, как она общается с подчинёнными. Характеры, лица, темпераменты, архитектура зданий, погода, распускающаяся листва, оттенки кафеля на кухне – Марина писала обо всём подробно, сочно. Присылала мне СМС с нового, «местного», номера. Уже зная особенности её характера, я не поленился проверить IP-адрес писем и «новый» номер. Результат был ожидаем: Москва. Никуда Марина не уезжала. Без особой надежды я попытался её уличить, предсказуемо получив в ответ пространную историю о том, что она пользуется прокси-сервером, а телефон – корпоративный, с базой в Москве.

В итоге мне пришлось поставить блокировку на сервере электронной почты, добавить Марину в чёрный список во всех соцсетях и сменить свой номер телефона. Долбёжка прекратилась.

Через несколько месяцев в разговоре с одним из знакомых вдруг случайно выяснилось, что тот когда-то тоже встречался с Мариной. Сценарий оказался идентичным: была и больная сестра, и погибшие двойняшки, и неожиданная беременность, и подарки родителям. Разница заключалась в том, что парень, увидев состоятельную девушку, решил занять у неё денег на развитие бизнеса. Та с готовностью одолжила, но взяла расписку. Когда парень понял, что Марина – ненормальная, и решил расстаться, она передала все долговые расписки и подарочные чеки своей службе безопасности с требованием вернуть долг немедленно. «Братки» чуть душу из

парня не вытрясли, он едва не продал квартиру. С огромным трудом ему удалось выпутаться, и он до сих пор вспоминает Марину, как страшный сон.

Возможно, у Марины лёгкая форма шизофрении, а для некоторых больных как раз характерны безудержная фантазия и идеальная память, способная хранить мельчайшие детали и генерировать на редкость связную ложь.

Я бы никогда не поверил, что такое возможно, если бы это не произошло со мной лично. И, признаться, я благодарен Марине. За незабываемые яркие впечатления и за хороший урок. С тех пор, общаясь с любым человеком, я никогда не исключаю возможности, что он врёт, о чём бы мы ни говорили.

– Блин, звучит невероятно! Не совсем поняла, к чему это ты. Что я могу быть с прибабахом?

– Ну, если ты скажешь вдруг, что на самом деле у тебя есть муж и двое детей, и сейчас они на даче, я не очень сильно удивлюсь.

– Жесть. А я всегда чувствую, обманывает меня человек или нет. И вообще, гад он или нормальный. Ни разу меня интуиция не подводила.

– Ты так уверена в этом?

– Ну да...

Борщ на плите, в духовке пирог, на мне супермини, картина на стене. Почти не нервничаю.

Наконец, настал момент применить все достоинства моей кухни. Я имею в виду то, что все полки в ней прибиты с расчётом на рост баскетболиста, и чтобы достать или убрать тарелку, мне приходится вставать на цыпочки и вытягиваться вверх за рукой. Что происходит в этот момент с платьем? Правильно. Задирается. Если это не подействует, то я уж и не знаю.

Я несу всякую чушь без тормозов, как будто мне сдельно платят за каждое слово, и пытаюсь создать непринуждённую обстановку. А мой гегемон сидит с красным лицом и, кажется, потеет. Интересно, это жарко или так подействовали мои упражнения с тарелками?

– Мне пора идти.

?.. Неужели борщ не сработал? Но не подаю вида. Улыбаюсь, встаю провожать. Неловко сталкиваемся в дверном проёме кухни. Егор хватает меня и засасывает в наш первый поцелуй. Он не голубой – это здорово! (С такими красивыми глазами – кто их знает, этих мужиков.) Клааасс. Мне нравится. Было бы грустно, если бы он ужасно целовался, но, похоже, с этим всё окей. И всё-таки через пару минут я отстраняюсь и с деланно безразличным видом начинаю его провожать – не бежать же в постель на третьем свидании. Внутри меня триумф. Дело движется как нельзя лучше. Можно расслабиться. Сегодня пусть уходит. А я продолжу соблазнять в переписке и фотками. Уверена – клиент наш.

Из его дневника

Ух ты, в гости приглашает. Я усмехнулся и в предвкушении потёр ладони. Стандартный круг почёта был уже пройден (переписка, разговоры по телефону, первое свидание, прогулки), поэтому визит домой ко взрослой незамужней девушке сулил вполне определённый приятный сценарий. Мечтательно улыбнувшись, я представил длинные стройные Юлины ноги и почувствовал щемящее тепло внизу живота.

В квартире пахло свежей выпечкой. Два симпатичных тайца с осторожным недоумением обнюхали мои туфли, а затем по-хозяйски повернулись задом и даже позволили себя погладить. Я обрадовался: тоже очень люблю кошек.

Попросила помочь ей повесить картины, в награду обещая борщ и шарлотку. Ух, как же я не люблю все эти мужские молоточно-плоскогубочно-хозяйственные дела! Но не хотелось ронять в глазах Юли свою гендерную честь, и я послушно пошёл осматривать стену. Стена, на счастье, оказалась бетонной.

– Не, тут молотком не обойдёшься. Тут сверлить нужно.

– Так это не проблема: у меня дрель есть.

– Э? Ну... Гвозди же всё равно тут не используешь.

– А у меня дюбеля есть. Тебе какой диаметр? Посмотри в коробке, там разные.

Перебирая ящик с инструментами, я ошарашенно думал:

«Что за странная девушка? У неё не просто дрель – у неё хороший профессиональный перфоратор, дюбеля на любой вкус и отвёртки всех мастей. Может, она ещё и бетономешалку в подвале хранит?»

Закончив работать, я сидел за столом и с удовольствием ел обещанный борщ. Коты оказались на редкость общительными, быстро привыкли и уже тёрлись о штаны. Нахваливая и причмокивая, я старательно пялился в тарелку, чтобы Юля не заметила, как я украдкой кидаю жадные взгляды на её длиннющие голые ноги. На Юле было до неприличия короткое платье, и словно специально ей каждые пять минут требовалось что-нибудь на верхних полках кухонного шкафа. Она выходила из-за стола, становилась на цыпочки и тянулась вверх за очередным блюдцем. Платье при этом задиралось так, что у меня мутилось в голове и отнимался язык.

Поев, я вышел в прихожую. В полумраке коридора Юля, прильнув спиной к двери, пристально посмотрела мне в глаза. Я молча подошёл, обнял её за талию, привлёк к себе и осторожно поцеловал, пробуя, смакуя, запоминая. Нежно-нежно, словно боясь спугнуть бабочку с цветка. Юля прикрыла глаза, придвинулась ближе и с какой-то, мне показалось, механической готовностью вытянула вперёд губы. Я крепче притянул её к себе, ладонь непристойно переползла с талии чуть ниже, мы начали целоваться. И тут вдруг я почувствовал: что-то не так. Юля целовалась ста-

рательно, но руки её безвольно висели вдоль тела. Никакой неги, никакого вожделения, никакого тепла. Никогда раньше я не попадал в подобную ситуацию: если отношения доходили до романтического вечера вдвоём и до поцелуев, то девушки всегда так или иначе проявляли искренность, желание, страсть. По-разному, невербально, неосознанно, но это всегда чувствовалось: лёгкие прикосновения, взаимные объятия, изменившийся тембр голоса, еле слышное постанывание, взмах ресниц, сладкий шёпот, потрепать по чёлке, провести пальчиком по губам, по шее, выгнуть спинку, запрокинуть голову, томящий взгляд исподлобья... Юля же была словно робот. Вроде бы технически всё правильно, но я совершенно ничего не чувствовал с её стороны: полное эмоциональное радиомолчание. «Блин, я ей не понравился! – лихо радочно мелькнуло в голове. – Не хочет меня обидеть, терпеливо доигрывает партию, а сама ждёт не дожждётся, когда всё это закончится». Я решил не мучить Юлю. Убрал руки и облизнув губы, я сделал шаг назад. Знаю, такое бывает: человек может просто не понравиться интуитивно, на уровне феромонов. Что ж, теперь остаётся лишь уйти.

– Ну ладно, мне пора.

Лицо Юли не выражало ничего.

– Пора? Ну... Хорошо.

– Тогда пока?

– Пока. Позвонишь?

– Конечно.

Через пару дней снова прогулка. Правда, сейчас после поцелуев у меня дома что-то мы как друзья встретились. Прохладненько. Я другого ожидала, если честно. Ну да ладно, может, он скромный такой.

Я решила разогреть его, используя проверенные уже приёмы. Пригласила домой повесить люстру. Ну должен же случиться какой-то прогресс в отношениях.

– Я никогда не вешал люстры, но готов научиться.

Отличный подход к трудностям. Если бы он начал отказываться, образ героя померк бы. А тут не умеет, но готов пробовать. Я свято верила, что мужчины могут научиться делать в доме всё – таким я видела моего дядю и считала, что это заводская настройка в мужчинах. Предыдущие отношения меня в этом не разубедили, так как либо были непродолжительны, либо проходили не на моей территории, и меня мало касалось, делает он там что-то или нет.

Люстра, кстати сказать, была выстраданной. Я сделала ремонт в спальне и купила новую кованую кровать уже больше года назад, превратив это место в оазис для девочек в прованском стиле. Что было нетипично для меня в принципе, но самое то для меня того времени. Я старалась быть девочкой изо всех сил. Из моего гардероба исчезли все брюки и джинсы и появились платья в пол. И не в пол тоже. Всего у меня было сто платьев, и я этим очень гордилась. Собрать

такой гардероб было не сложно, если учесть, что я не менялась в размере с 18 лет и многие вещи сохранились с того времени. Ну, конечно, и покупательная способность у меня хорошая. Я умудрялась сбегать на почту за час – 15 минут туда, 15 обратно, 30 минут в очереди – и прийти на работу с новым платьем.

Поэтому меня тем более удивлял тот факт, что я никак не могла подобрать люстру в спальню. Долго искать было лень, а вот быстро она не находилась. И вот недавно произошло чудо. К моим розочкам на стенах и кровати нашлась подружка с керамическими плафонами, лентами, естественно, розами и кованным, как и моя кровать, основанием.

В день X он пришёл. Повесил люстру. И ушёл. Абсолютно холодно, как-то по-соседски. Я такого никак не ожидала. Что-то подсказывало мне, что клиент пролетает мимо.

Потом я ещё несколько дней отправляла ему милые селфи в романтических платьях, вся такая барышня, но в итоге не выдержала. Не выдержала и спросила в лоб.

Когда-то он рассказывал мне, что у него был случай. Один из его знакомых предложил ему переехать в Москву, что, мол, там работы больше, чем в небольшом городке, где он жил. А у знакомого был свой интерес – он попросил пожить с его родственником-инвалидом. Егор согласился, но оказалось, это был не единственный интерес. У знакомого ещё была дочь. Она приезжала навещать больного родственника вся нарядная, звала прогуляться, его приглашали на обеды и

ужины и называли «зятёк». Он думал, это они шутят так. С девочкой у него ничего не было, так как, по его словам, он к ней, при всём желании, ничего не испытывал. Но продолжал общаться, ходить в гости. Пока папаня не спросил, какие у него планы. Когда семейство узнало, что их золотко зятюку на фиг не сдалось, дяде-инвалиду резко перестала быть нужна помощь Егора, и его сразу попросили с квартиры с чемоданом прямо на улицу. Но это уже другая история.

В общем, я чувствовала себя, как та девочка. И не нашла ничего другого, как спросить: неужели он вообще ни капельки меня не хочет? Спрашивая, я понимала, что совсем потеряла всякий стыд. Где это видано, чтоб женщина спрашивала мужчину: «Слушай, ты меня совсем не хочешь или мне показалось?» Но с другой стороны, занятия с психоаналитиком делали своё дело, и тратить время на иллюзию отношений я уже была не готова.

Его ответ поверг меня в шок:

– Что ты? Как это – не хочу? Просто ты очень холодно ведёшь себя, никак не показываешь, что хотела бы... Ну, я и подумал, что тебе хочется просто дружить, общаться.

– В смысле дружить? Мне 34 года, ты что, считаешь, что мне поболтать, погулять не с кем? Для дружбы у меня есть многочисленные подружки.

– Ого, ну надо же. Я и подумать не мог.

– Но мы же уже целовались! Разве это не знак, что я не против отношений другого характера?

– Не, ну, ты же как-то бесцветно, холодно совсем...

– А я что, должна была накинуться на мужика, с которым неделю встречаюсь? Я в принципе не накидываюсь, предоставляю эту возможность тому, у кого есть такое право по гендерному признаку.

– Да уж... Неудобно как-то получилось.

Я и радовалась, и расстраивалась. С одной стороны, он подтвердил, что хочет, и вроде это смягчило глупость моего положения. Но с другой стороны, видимо, это правда. Я действительно веду себя как-то не так, как другие женщины. И чуть не стала жертвой этого, как героиня Джейн Остин, та старшая сестра, в которую влюбился богатенький мужчина, но уехал от неё, ибо она не имеет к нему чувств и серьёзных намерений.

Я, быть может, и не расценивала это как глобальную проблему. Если бы во время работы с психоаналитиком не докопалась до её причин. И я уже знала, что мои отношения с мальчиками и в школе, и в универе были такими странными и редкими не только потому, что у меня большой нос и культистая внешность. Я красилась, наряжалась, но всем своим поведением давала понять, что рассчитывать не на что. Парочка моих особо добрых одноклассниц высказались, что, может, я лесбиянка? Что ж, я была коротко стриженная, высокая, широкоплечая, очень худая, но при этом жилистая и подкачанная. Ходила в тренажёрный зал три раза в неделю и один раз в неделю на фитнес в модельной школе. Мой тре-

нер завлекал меня в команду по пауэрлифтингу, но я держалась, так как внутри я всё-таки считала, что жим штанги – это не то, что привлекает мужчин. Снаружи я была, видимо, асексуальна настолько, что непонятно было, к какому полу я принадлежу, и большинство предпочитали не связываться.

Сейчас я знаю почему.

Однажды у бабушки в деревне, играя с девчонками в карты, я имела неосторожность выиграть у заводилы – цыганской девахи, которую все дети почитали за лидера. В отместку она объявила всем, что я жульничаю, а это тяжкий грех. Я – Тухлое Яйцо, и надо объявить мне бойкот. И все послушались её. Не думала, что так бывает. До девяти лет у меня случались разные истории, но дети меня не травили никогда. А тут мои друзья, встречи с которыми я ждала каждое лето, в один миг отвернулись от меня и больше до окончания каникул не разговаривали со мной. «Тухлое Яйцо!» Стоило выйти за ворота, как я слышала обидные окрики со стороны дома цыганки.

Как бы повернулась моя жизнь, если бы на будущий год или после я бы поехала в деревню снова? Возможно, всё забылось бы. Но это была моя последняя поездка.

Поэтому самым важным для выживания для меня было никогда ни с кем не конфликтовать. И у меня это отлично получалось. Я имела хорошую репутацию в школе, одноклассники относились ко мне с уважением, у меня было полно друзей во дворе. Я стала как вода – научилась принимать

форму сосуда, в который меня наливают. Это очень полезный навык, если бы у него не было обратной стороны.

Во-первых, мой способ жить делал невозможными сексуальные отношения, и сейчас речь не только о физическом контакте. Если женщина демонстрирует мужчине, что он ей интересен, она тем самым демонстрирует это и другим женщинам, становясь их соперницей. А такого со мной произойти не должно было. Я хотела жить в мире без врагов. И давать людям только то, что они хотят получить от меня. Быть хорошей для всех. Но ведь понятно, что это невозможно – человек теряет себя в попытках подстроиться под ситуацию и угодить другим. Собственно, это и во-вторых.

Глава 2. Когда кончается детство

Недавно я узнала, что дети ничего не запоминают до определённого возраста. Например, не могут рассказать, что они делали вчера. Им нужны ежедневные ритуалы и режим дня, чтобы хоть что-то оставалось в памяти. Возможно, поэтому мы забываем детство до 5–6 лет, а до трёх и подавно.

О своём детстве я помню, что в нём совсем не было драм, зато были забота и достаток. Если, конечно, не считать того, что в стране советов в 80-е годы был период острого дефицита, и пришлось в один прекрасный день научиться пить чай без сахара. Он просто пропал из магазинов на несколько месяцев, и всё. Это было ужасно невкусно. Но потом я

привыкла и с тех пор не могу разучиться обратно. Для меня чай или кофе с сахаром – самая редкостная гадость, которую придумали люди.

Я совершенно не могу вспомнить, хотела ли быть кем-то в детстве. Советский Союз вписывал людей в определённые стандарты, а для меня уже тогда важна была свобода. Я была вольной и загонять себя в рамки привычных профессий не хотела. Была даже излишне самостоятельной и ответственной. С семи лет ездила одна в школу в другой микрорайон. Бабушка жила рядом, и мне нравилось выезжать на самом раннем автобусе в 6 утра, чтоб приехать до уроков к ней и успеть посмотреть мультик в «Добром утре». А ещё у бабушки можно было вкусно позавтракать. Она пекла сладости словно не для одной маленькой девочки, а для целого класса: меня ждали тазики, наполненные орешками со сгущёнкой, вафельные трубочки, печенье. Она умудрялась доставать где-то из-под прилавков шоколадные конфеты, сыр, сервелат. Дома так поесть нельзя было, потому что все спали.

И ничего со мной не случилось по дороге. Правда, опаздывая на автобус, я перебежала через Можайское шоссе не по подземному переходу, а сверху. Пассажиры на этом рейсе всегда были одни и те же. Когда однажды мама поехала со мной, они дружно пожаловались ей:

– Что же вы не смотрите за ребёнком, мамаша? Она у вас тут перед машинами бегают.

Тогда за одиноких детей в автобусах родительских прав

не лишали.

В большинстве случаев, когда мама с папой узнавали о моих проделках, они лишь сетовали:

– Ну, Люлёк, как же так? Мы тебе доверяем, всё разрешаем, не контролируем, а ты так нас подводишь?

На меня это действовало. Не хотелось расстраивать их. Но иногда всё равно невозможно не поступить по-своему.

Если вспоминать моё детство по кусочкам, то оно всё было счастливым. Просто недолгим. Я не помню обид или наказаний от родителей. Мне казалось, со мной общаются с уважением, как со взрослым человеком. И я им и была – серьёзной, осознанной, держащей свои чувства при себе. Такой и осталась, когда выросла. Никогда не хотелось обмануть или подвести друзей, мужчин, начальника. И всегда удивляли излишний контроль или недоверие. Казалось, как ты можешь проверять? Ведь так ты подчёркиваешь, что я не люблю тебя или не уважаю.

Родители были добры и терпеливы ко мне, но, тем не менее, у мамы были определённые ожидания в отношении меня. Она считала, что нарядная девочка – это красивое платье и длинные волосы. У меня в 11 было на этот счёт другое мнение. Я мечтала о модной чёлке по косой и стрижке каскадом. Однажды ночью, забравшись на второй этаж нашей с сестрой двухъярусной кровати, я решилась. Постригусь. Вот прямо сейчас, и никаких сомнений. Под светом ночника, полулёжа, вооружившись маленьким зеркальцем и маникюрными

ножницами. «Хоп, хоп – и дело сделано, – подумала я, кинув волосы за шкаф, замечая следы. – Я буду так прекрасна, что маме нечего будет завтра возразить на перемены».

Однако за чёлку, отрезанную по диагонали через весь лоб, мама почему-то меня отругала. Получилось действительно так себе, но я всё же чувствовала себя сногшибательной. Поэтому для похода в магазин, куда, успокоившись, отправила меня мама, я принарядилась. И, конечно же, не в китайское платье с бантиками и пёсиками – мечту всех советских женщин, ведь у нас не шили таких, и приходилось гоняться за импортом. Ах, эти термосы, платья и полотенца – прошло 30 лет, а некоторые из них ещё живы и радуют глаз красками! Это не сегодняшний ширпотреб с «АлиЭкспресс». Но все эти платья я считала слишком девчачьим, нарядным и абсолютно не модными, пусть они сто раз нравятся маме. Поэтому надела короткую юбку, сшитую из старых папиных джинс. Кто помнит 90-й год, понимает, что это было прям огонь. Венчала комплект причёска «мальвинка». Она и загубила мой триумфальный выход за продуктами. Дело в том, что я не знала, как добиться каскада по длине волос. Парикмахерскому делу обучена не была. Хотя не уверена, что знания прибавили бы способностей постричь себя саму. Но нашла я решение, на мой взгляд, верное: отрезала волосы, заплетённые в косу.

Мама выдала мне деньги и пакет. Уходя, я развернулась к ней спиной. Как сейчас помню свою красную рубашку, на

которой отлетели все пуговицы, – настолько резко она дёрнула меня назад. Обычно спокойная ругалась так, что барак, в котором мы жили, имел все шансы развалиться до того, как построят ему замену. Но любая мать закричала бы, увидев этот ужас. Мои волосы представляли собой две длинные полосы по краям, а посередине – обрезок, сантиметров на 10–15 короче.

Этот случай не стал для меня травмой. После первого шока мама пришла в себя и позвонила крёстной, чтоб та приехала и нормально меня постригла. Смены образа в итоге я добилась, пусть и без каскада.

И так во всём. Я прятала дневник, крала деньги, убегала к бабушке в другой микрорайон, выкидывала еду в окно, падала с дерева, плохо училась, ругалась с сестрой, разбрасывала игрушки. В ответ я получала длинные воспитательные беседы от отца или эмоциональные всплески от матери, которые не давили. Меня никогда не били и не наказывали. Метод отца заключался в том, чтобы объяснить, почему так делать не надо или надо. Он кричал крайне редко. Помню, как боялась, что отец наругает, что у меня гости, и поэтому, когда он приходил, бежала к нему навстречу скорее рассказать о них. Я уже тогда понимала: если ты первый в чём-то признался, да с воодушевлением, невозможно было отругать.

Хотя не скрою, что сильно ему ругаться и не надо было. Достаточно просто серьёзного лица. А если уж он сказал что-то повышенным тоном – это было невыносимо страшно. Все

мои подруги считали его строгим.

Отец был предпринимателем, я думаю, он бы многого добился, потому что уже в начале перестройки владел мастерской по ремонту телевизоров, видеопрокатом и даже небольшим залом, в котором проходили показы. Мы ездили на иномарке и строили большой дом. Папа оформлял документы на американскую визу, был явным лидером среди своих друзей, любил животных, никогда не истерил, не ругался без повода. А ещё был большим и сильным.

Я помню, как мама разрешала мне не ложиться спать вовремя. Я тогда спала на кухне. Она там копошилась по хозяйству и понимала, что мне всё равно не заснуть. Но когда папа приезжал, надо было делать вид, что сплю. Я ныряла под одеяло с головой и тихо лежала. Он, конечно бы, не ругался, но строго бы отчитал маму за то, что она не контролирует мой режим.

Однажды он приехал, я ушла «в подполье». Папа ужинал, они разговаривали вполголоса. А потом я почувствовала, как потихоньку под одеяло мне положили мандарин. Мама знала, что я не сплю, и понимала, что, если я почувствую запах мандаринов, мне будет нестерпимо лежать под одеялом и глотать слюни. В те минуты меня наполнило какое-то странное чувство единения, как будто «шалость удалась».

В детстве родители подарили мне кота. Дымок стал пер-

вым моим домашним питомцем, и на нём я оттачивала ранние навыки любви. Русский голубой. Мне тогда казалось, что это самые красивые коты в мире, и была какая-то гордость за то, что я тоже русская, как этот грациозный зверь.

Он был свободным и ходил, где ему вздумается. Спал на антресолях, чтоб никто не достал. Покидал дом через форточку, а обратно просился, царапая по стеклу.

В свою первую взрослую весну кот пропал. Через три недели, когда я уже успела его оплакать, Дымок пришёл с надорванным ухом, но несломленным в бою. Мы радовались всей семьёй. Недолго: у некастрированных несколько раз в год наступает эта пора – уходят из дома, и ты не знаешь, вернётся он или нет, потому что там собаки, другие коты, машины и люди.

Мы играли с девчонками в деревьях у железной дороги. Там, в ветках, я нашла его, пробитого несколькими ударами палки. Он лежал, прикрытый газетой, уже не первый день, судя по червям, которые суетились в ранах. Я никогда не видела мёртвых вот так по-настоящему. В шоке побежала от него и встретила маму, которая шла из магазина.

Помню, как она уронила пакет с сушками, и они валялись на земле, а она не подбирала их и плакала. Меня это удивило, я тогда ещё не знала, что взрослые могут так горевать. Выходит, мама тоже человек, такой же, как и я.

Оказалось, что полноту жизни мы чувствуем не только в счастливые моменты, но и через уход наших близких.

В своих родителях я не замечала самодурства, не видела, чтобы они принимали несправедливые решения. Обидно было только, когда из-за баловства младшей сестры Насти наказывали не только её, но ещё и меня. Помню, как-то меня оставили за ней приглядывать, она куда-то исчезла, и в итоге получила от родителей я. Когда сестра вернулась, все ей обрадовались, не о каком наказании даже и речи не было, её отправили к бабушке. Мне показалось это нечестным, ведь наказать должны были того, кто ослушался и сбежал. И я не считала, что должна была пасти её, как телёнка. Но родители поступили, как обычно поступают все родители: виноват старший, а маленький – ещё маленький.

Я не думала, что так сложно будет вспоминать почти 20 лет спустя, как резко закончилось моё детство.

Помню тот день удивительно точно. Накануне, в субботу, мы играли около Маринкиного подъезда. Что нас развеселило, непонятно, но я смеялась как сумасшедшая. Заливалась, ещё не зная, что мне осталось всего несколько часов моей жизни. Жизни обычного ребёнка с родителями.

Потом я долго верила, что нельзя так веселиться. В минуты безудержного смеха боялась, что скоро наступит расплата за то, что мне сейчас так необъяснимо хорошо.

В воскресенье дома у подружки в большой комнате мы смотрели «Богатые тоже плачут». Когда я приезжала к ба-

бушке на выходные, я приезжала на самом деле к Маринке. Мне нравилась её квартира. Сложно поверить, но двухкомнатная малогабаритная хрущёвка казалась мне хоромами после нашего барака – без ванной и горячей воды, зато с тараканами и сумасшедшей слепой соседкой.

Я была в туалете, когда подруга сказала, что звонила бабушка и велела мне скорее бежать домой – у нас случилось несчастье. Я тогда не понимала, что это значит. Отчего-то подумала, что-то случилось с Настей. Может, она сломала ногу? Почему именно сломать ногу? Видимо, в 12 лет для меня несчастье было именно таким.

Я выбежала из крайнего подъезда белой пятиэтажки и по диагональной тропинке понеслась к бабушкиному дому. Когда двери открылись, я застыла. Однокомнатная квартира была полностью набита родственниками из Редкино и Москвы. Все собрались. Все в чёрном. Все ревут.

– Саша с Ларисой погибли, разбились на машине по дороге домой, – кинулась в слезах ко мне моя всегда грозная и непоколебимая бабушка.

Я развернулась и пошла из квартиры. Папин брат догнал меня на улице. Я постаралась выглядеть вменяемой и попросила посидеть чуть-чуть у Маринки. У него хватило сил отпустить меня.

Я пришла к подруге, коротко рассказала, и мы сели досматривать сериал. Я пялилась в телевизор, как будто мне хотелось обмануть судьбу и сделать вид, что ничего не про-

изошло. Я не могла поверить, что там, в 500 метрах, в бабушкиной квартире, и правда собрались все эти люди в чёрном. Их стоны, рёвы, всё это по-настоящему, на самом деле происходит со мной.

В голове билась мысль: «Я должна как-то теперь жить дальше. Как же я теперь буду жить дальше?» Меня накрывало ужасом. Теперь всё будет по-другому.

Я не думала о том, как мало времени проводила с родителями или о какой-то сентиментальной ерунде. Я думала только, что это кошмар. И теперь это – моя жизнь. То, что боятся люди даже представить, происходит, и не с кем-то, а со мной.

В нашем классе было два мальчика, у которых умерли мамы. Они получали гуманитарную помощь, как дети-сироты. И я иногда размышляла: надо же, каково это – получать гуманитарную помощь? Я тогда не подозревала, что у меня не за горами перспектива узнать это на собственной шкуре.

Нам с Настей разрешили не ходить на похороны и остаться у тёти дома. Мне всегда нравилось приходить к ним в гости. Я старалась отвлечься. Представить, что всё как раньше. Но надо было не оставлять нас, как ни хотелось бы уберечь. Люди должны видеть и точно зафиксировать смерть. Как бы это ни было трудно. То, что я пережила в последующие годы, гораздо хуже, чем если ты, убитая горем, стоишь у могилы. Я пишу это, и ко мне снова приходит тот страх, с которым мы с сестрой прожили столько лет. Страх, что кто-то умрёт.

Из близких или просто знакомых. Мы все смертны, но здоровая психика человека устроена так, что мы не думаем об этом каждую минуту. У меня больше 20 лет была нездоровая психика. Я не виню её. Она защищала меня, как умела. Ей как-то надо было жить дальше.

Для начала задвинуть в самый дальний угол сознания все воспоминания. Сложнее всего было забыть улыбающееся мамино лицо, торчащее из форточки нашей квартиры и кричащее:

– Люлёк, иди обедать!

Стоя на стуле рядом с окном в футболке и трениках, молодая (что сейчас для меня 33? Салага. Правда, родившая троих дочерей и пережившая смерть одной из них), белокурая и зеленоглазая, она звонко пыталась оторвать меня от игры в резиночки с моими дворовыми подружками.

Когда мы вернулись домой после похорон, я больше всего боялась, что вся моя компания во дворе будет «приносить мне соболезнования». Нацепят на себя скорбный вид и будут грустить вместе со мной. А мне всё это было не нужно. Я изо всех сил пыталась склеить обломки своей жизни. Ещё я боялась, что от меня могут отвернуться, – люди не любят горе. Мои подруги не подкачали – подбодрили меня. Я держалась и делала вид, что ничего не произошло.

Так я держалась 20 лет. Плакала иногда по ночам. Они приходили ко мне во сне, но по большей части психика обо мне позаботилась. Я забыла всё детство. И долгие годы зна-

ла подробности своей жизни только по рассказам друзей и родственников.

Чья-то смерть выбивала меня из колеи. Вот уж тут я могла дать себе волю. Равно как просмотр фильмов-катастроф. Я всегда забывала, что это не по-настоящему. Что эти люди – актёры. После одного из фильмов я плакала так, что не могла остановиться до утра.

Я боюсь смерти близких. Боюсь и сама уйти с этого пути раньше, чем сделаю всё, что задумала. Боюсь, что жизненные обстоятельства дадут мне испытания вместо созерцания жизни с наслаждением. Боюсь, что моя прекрасная счастливая жизнь разлетится на кусочки одновременно, и мне придётся вернуться в страдания, которые я переживала много лет. Когда кто-то говорит, что боится смерти, это совсем не то, что было со мной. Ведь каждый день в течение 20 лет, когда я оставалась одна, я думала о ней. Вот представляю, как звоню подруге и слышу разбитый от горя голос её матери и слова «она умерла». Или прихожу на работу утром и узнаю о смерти коллеги. Родить ребёнка или выйти замуж – это самое глупое, что ты можешь совершить в жизни, потому что они не спросят у тебя разрешения умирать, когда придёт их черёд. От тебя ничего не зависит, но твоей долбанутой психике кажется, что, если ты будешь думать об этом, ты хоть как-то подготовишься. Как будто ты знала. Как будто это под контролем. Предполагая все ужасы мира, что могут случиться с нашими близкими, которые вышли из дома и не отвеча-

ют на звонки, мы впадаем в истерические состояния. Какая мать не переживает за своего ребёнка? Но есть ли от этого хоть какая-то польза? Для неё или него? Или мать только гробит остатки собственной нервной системы?

Я знаю, что порой по-другому мы просто не можем. Подчинить свои мысли сложно. Кажется, что они, как табун диких коз, несутся по прерии, и со всех сторон на них нападают то огонь, то гепарды. Но это только кажется. Я почти 20 лет прожила с ежедневными мыслями о том, что, возможно, кто-то скоро умрёт. И этим довела себя до параноидального и депрессивного состояний.

Я прожила с ними недолго, всего 12 лет, но мне кажется, именно родители заложили основы моего характера.

Я совсем не помню свою мать в горе, несмотря на то, что она потеряла ребёнка. Именно от неё я взяла нелюбовь ходить на кладбище. Это у нас было как-то не принято. Меня совсем туда не возили. При том, что оно было не так далеко от города. И там были похоронены мамин дед и наша сестра. Ни историй, ни слёз. Горе матери в полном объёме я увидела в глазах моих бабушек. Я всегда сочувствую, когда в какой-то трагедии гибнут дети, но при этом мне хочется сказать:

– А взрослых вам не жалко? Вы думаете, мать, потерявшая 30-летнюю дочь или сына, страдает меньше?

Сама я терять больше не хотела, поэтому, несмотря на то, что я росла в атмосфере любви и заботы, у меня больше не было семьи.

Когда я вспоминаю отца, то испытываю теплоту и гордость. Думаю о жизни, которая могла бы быть. Возможно, я бы с детства учила английский, выросла бы в своём большом доме. Ещё полгода, и мы бы переехали.

Мои родители погибли в прекрасный день, в который ничто не предвещало беды. Тогда я впервые узнала, что мир может развалиться независимо от моих действий. Ни знаков, ни предчувствий.

Сейчас, когда я стала взрослой и мне даже иногда кажется, что я вижу людей насквозь, а событиями меня не удивить, на самом деле ничего не изменилось. Если мир рушится, то заранее предупредить не станет.

Глава 3. Любопытство сгубило кошку

Если люди плохо знают друг друга, они предпочитают защищаться, выстраивая броню вокруг себя. Они не открываются партнёру, потому что велик страх, что тебя не примут, не полюбят, отвергнут, как-то используют. В результате отношения напоминают либо игру «убегаю – догоняй», либо бой по правилам и без.

К 34 годам я научилась жить по-другому. Открыто и прямо говорить о своих желаниях: если мне чего-то хочется – я прошу, если что-то чувствую – заявляю. Но это не значит, что я не испытываю всех страхов, свойственных людям. Просто стараюсь не замечать ссадины и порезы, которые получаю в поисках зрелых отношений, стараюсь не прятаться за бронёй, которая у меня тоже есть (и потолще, чем у других), не вести двойную игру. Однако и это не уменьшает чувства тревоги... Я, как и все, не знаю, что будет, не умею читать чужие мысли и, как все, расстраиваюсь.

То, что я решилась переступить через честь девичью и спросить, какого лешего он меня не хочет, спасло меня от мучительных догадок и непонятных па, которые я могла бы долго выделять вокруг. А ещё я получила в награду пере-

вернувшийся на моей улице грузовик с пряниками: близость была непохожа на всё, что было раньше. Тогда я поняла, что может быть вот так – и нежно, и страстно, и в атмосфере доверия и уважения. Мне даже не верится, что это я сейчас секс описываю.

И, конечно же, я не могла не захотеть, чтобы он принадлежал мне теперь полностью и безраздельно. Мне казалось, я смогу дать ему радость, нежность, уют. Тем не менее у мажорных интровертов на этот счёт всегда своё мнение.

Наши встречи были невероятными, но короткими и строго лимитированными. Егор не оговаривал расписание, но на деле получалось, что чаще раза в неделю мы не встречались. «Я соскучилась по тебе уже, хочу увидеть живьём» или «Ты как? Давай увидимся сегодня?» – самые частые сообщения от меня.

Нет, мы, конечно, переписывались каждый день и вели длинные диалоги, но он мог, не прощаясь, пропасть и появиться только на следующий день. Я была словно ТВ-канал, который смотрели, смотрели, а потом щелчок пульта, и – хоп: ты со всей своей жизнью, со всем, что чувствуешь, вдруг попадаешь в некий вакуум. И вынужденно замираешь до того момента, пока про тебя не вспомнят и не случится «пэньк» по нужной клавише. Чувствовала себя именно так.

Я истерила и писала длинные сообщения, ругалась. Не могла понять, что так можно. Вот он только что был таким приятным, обходительным и вдруг поступает со мной, как

сволочь. Молчит. Не отвечает. Пропадает. Игнорирует.

Самый страшный страх – это когда ты не можешь связаться с человеком. Возникает ощущение, как будто его больше нет. Но есть ещё ужаснее состояние: когда ты видишь, что сообщения перешли в статус прочитанных, а ответа нет. Двадцать сообщений подряд. Ты применяешь все способы вывести из себя оппонента, хитришь, лишь бы он отреагировал, а он молчит, словно ты не существуешь.

21 сентября 2014, 20:35, Юлия: Тебе всё равно, как я провела день, добралась ли я домой или где-то болтаюсь... Жива ли я ещё вообще. Ты проводишь будние дни на работе и очень устаёшь... А в выходные тебе есть чем заняться и без меня. В этой системе твоей жизни для Юли существует место? Оно строго раз в неделю на несколько часов и не больше?

Люди могут поступать по-разному. Ты будешь предполагать, что человек намеренно взялся известить тебя и испортить твою жизнь, а он просто делает так, как ему хочется, без умысла навредить тебе, но при этом эгоистично и по-детски. Это, конечно, ведёт к разрушению отношений. Но если партнёры уважают друг друга и принимают, что каждый из них неповторим и ценен, то они переходят на совсем другой уровень.

Например, если один человек не парится из-за бардака, а другой – педант и чистюля, – конфликт неизбежен. Но они

могут попробовать понять друг друга, каждый может заметить те шаги, которые делает навстречу вторая половина. И тогда аккуратист увидит не то, как разбросаны вещи, а как партнёр попытался положить их на место. А неаккуратист постарается сделать всё, что в его силах, чтобы не считать замечания любителя порядка глупыми придирками.

Непонятно, перед кем я тут распинаюсь. Да ответишь ты мне или нет, гад?!

Он просто издевается.

Всё, я не могу больше сидеть тут, всё равно у меня уже чесотка начинается на нервной почве.

Я впрыгнула в джинсы, натянула свитер и выскочила из дома. Пока шла по ночной улице, kloкoтaвшee внутри успокаивалось, начинали появляться разумные мысли: «Он ведь подумает, что я истеричная дура, и пошлёт меня. И будет прав. Особенно после того, что я написала». Или: «А вдруг у него там девушка, и он поэтому не отвечает?» Или: «А если он вообще не откроет? Что толку в моей вылазке?»

Идти – три минуты быстрым шагом, поэтому я не успела прийти к мнению «погуляли и хватит». Звоню в домофон. Его-то он должен услышать. Но нет, не отвечает. На мою удачу в подъезд заходят парень с девушкой, и я прошмыгнула вместе с ними. Звоню в дверь. Тишина. Настойчиво звоню ещё и ещё. Блин, ну не может же он уйти! Писал, что пришёл домой. Время – одиннадцать вечера. Идиотка.

Ладно, пойду, пока не вышли соседи. И без того уже чувствую себя полной дурой.

Дома я на какое-то время успокаиваюсь. А потом внутри снова завертелся этот вихрь. Слёзы начали душить. Мне стало страшно. Ну почему он не отвечает, а? Так не должно быть! Я должна до него достучаться... А вдруг с ним что-то случилось? Блин, хватит уже! Похоже, я достала саму себя... Заснуть не могу. Верчусь, как будто во мне копошится Чужой. Это невозможно. Невозможно описать смерч, который закручивается во время таких переживаний. Моя реакция не соответствует величине трагедии? А я согласна, я сама это знаю, но всё – как навязчивая идея.

Час ночи. Я выхожу из подъезда. Самая глупая ситуация, если мне сейчас кто-нибудь по башке даст.

Снова звоню в его домофон. Тишина. В это время уже не стоит рассчитывать на случайных прохожих. Звоню ещё раз. Щелчок.

– Кто там?

Офигительное чувство радости оттого, что абонент доступен. Теперь, даже если пошлёт, уже не так страшно.

– Это Юля.

Открывает без вопросов.

Сонный в дверном проёме с недоумением на лице.

– Ты чего? Я вообще обычно не поднимаю домофон, но подумал, что, если звонят в час ночи по второму кругу, значит, точно ко мне.

– Ты читал сообщения?

– Да нет... Я заснул сегодня рано, что-то убился так на работе.

На очередной сессии с психоаналитиком я задалась вопросом: а что это было вообще? Почему такая реакция просто из-за того, что человек вечером, придя домой, не отвечает на мои сообщения? Почему я не подумала, что он лёг спать?

Секрет прост. Моя психика считает, что все, кто вдруг резко становятся для меня недостижимы, возможно, умерли. Так когда-то родители ушли и не вернулись и уже не ответят никогда. Поэтому, стоит только потерять контакт, внутри поднимается неконтролируемая волна страха, что это навсегда.

Чего я никогда не могла подумать, так это насколько приятным в общении может быть интроверт. Когда мы только познакомились, его нелюдимость и немногословность пугала меня. Он казался угрюмым, и невозможно было понять его настроение. Но при «ближайшем рассмотрении» он оказался очень остроумным, заботливым. Прекрасным собеседником, причём как я люблю: достаточно начитанным.

При всей разности наших профессий нам всегда было о чём поговорить. А учитывая то, как он слушал, я могла рассказывать и рассказывать без остановки. Лучше пары не най-

ти, чем флегматик-интроверт и холерик-экстраверт. Самое главное – не тащить его постоянно к друзьям и не заставлять делать то, что он не любит. Тогда в ответ он раз в году сходит с тобой на день рождения к подруге и даже сводит в рестораны.

За многие годы жизни в своём внутреннем мире я привыкла, что на внешний можно повлиять только серьёзным напором. Ждать милостей от природы не стоит. Поэтому форсировала события и старалась делать так, как мне казалось верным по ходу пьесы. Ведь в моих фантазиях герои поступали так, как мне хотелось. Думалось, что и в жизни так будет. И даже неудачный предыдущий опыт отношений и работа с психоаналитиком не смогли одномоментно выкорчевать из меня этот способ жить. Поэтому, встретив человека, с которым у меня случилась НАСТОЯЩАЯ близость, отличная от всех предыдущих и даже немного пугающая, я не собиралась сдаваться.

Мы встречались два месяца. Он планировал ехать куда-то в отпуск, а я намеревалась провести этот отпуск вместе с ним. Он был несговорчив, нерешителен. Я – настойчива и убедительна. Он порой пропадал где-то и говорил, что ещё не может решить, куда потратить неделю отпуска. Я же замутила отличный вариант: корпоративный проект, над которым я работала в Москве, имел такой успех, что сотрудни-

ки филиалов нашей компании потребовали проведения фотосессий у них тоже (айтишники любят не только компы, но и творческие активности). Поэтому меня не могли не отправить по работе в Минск. Можно было бы поехать вместе на несколько дней раньше и совместить командировку и отдых. Он неожиданно легко согласился. Сказал, правда, что на всю командировку не останется, так как уже договорился встретиться с другом в Питере, куда он собирается на несколько дней, разбив свой отпуск на две части.

Ну, это уже победа – почти три дня вместе! Такого у нас ещё не было. Мы договорились встретиться у моей работы, так как я ехала на съёмки с большим чемоданом.

Я переживала, что что-нибудь случится, и он в последний момент не приедет. Пока я не увидела его у выхода метро, меня всю колотило изнутри. Прошло уже несколько лет после жизни с Глебом, но я так и не научилась бояться того, что тебя могут обмануть на пустом месте. Без всякой логики и оправданий. А может, я всё ещё внутренне помнила уход родителей, и каждый раз, когда происходило что-то значительное для меня, я волновалась, что всё вдруг резко закончится и пойдёт не так, как думаешь.

На перроне он дёргался, нервничал и жутко тормозил, роясь в сумке в поисках документов. Я уже поняла, что неторопливость и нерешительность – его обычные состояния. Со своим холерическим темпераментом я смотрела на его флегматичные движения, как на кадры замедленной съёмки. Но

была так счастлива, что без раздражения, весело заскочила в вагон. Оглянувшись, увидела, что он наконец нашёл паспорт, с билетом всё окей. Ура! Мы едем!

Путешествие в плацкарте нельзя назвать самым романтическим способом передвижения. Мой угрюмый попутчик не собирался меня развлекать и уткнулся в книжку. Можно было бы надуться, но я радовалась – уж из поезда он никуда не денется. Да и в Минске от меня сбежать странно. А значит, три дня только мы вдвоём.

Город-герой встретил ласково и воздушно, раскинувшись широкими проспектами и монументальными высотками советской эпохи. Солнце терялось в кленовых листьях – золотая осень в самом расцвете. В отель заселяться было рано, и мы просто пошли гулять.

Сидели на лавочке, я лежала у него на коленях. Он читал книжку. Идиллическая картинка. Сложно было осознать, что это на самом деле происходит со мной и это действительно мой мужчина. Над нами проплывали облака и, казалось, подмигивали мне: «Не дрейфь, Юля, у тебя всё получится. Куда он от тебя денется теперь».

Периодически он переписывался с кем-то. Я не подглядывала, конечно же. Но спросила, кому он отправляет фото.

– Коллеге, мы всегда обмениваемся фотками и часто переписываемся.

– А она не спрашивала, с кем ты поехал?

– Она достаточно умна, чтоб понимать, что я поехал не

один, но выпытывать что-то не станет, так как по природе своей тактична.

После этой фразы мне стало ясно, что вышеупомянутым качеством я-то точно не обладаю, и мне только что это дали понять. Поэтому расспросы я решила не продолжать, хоть меня и напрягало наличие у него такой замечательной подруги.

Изо всех сил я старалась отсечь мысли об идеальной третьей. Моя «любимая» схема отношений – Я, Он и Идеальная Она (бывшая, или просто подруга, или неразделенная любовь, или любая баба, которая подвернулась и которую я поставила на этот пьедестал). Я всю жизнь была очень ревнива. Даже если повода не было, я его находила и переживала очень остро. Естественно, не вынося мозг, так как прав ни на что не имела. Но в тот период я уже находилась на стадии выздоровления от этого недуга. Проработала с психоаналитиком, откуда всё это взялось, на мне применили все самые проверенные техники дядюшки Фрейда, и поэтому легче стало не истязать себя мыслями о возможной сопернице. Ибо светило солнце, а Минск был приветлив и по-осеннему спокоен. Мы слушали аудиогида, поведавшего нам решительно обо всех достопримечательностях, я сфотографировалась с каждым памятником, намотали не один десяток километров в беседах и взявшись за руки. Я была абсолютно счастлива. Казалось, что он тоже.

Я находилась на стадии очаровывания объекта. И помога-

ло мне то, что играть совсем не нужно было. Мне нравилось быть милой и спокойной. Вдохновляла эта близость. То, что мы могли говорить на одном языке. Поначалу выглядевший угрюмым Егор оказался прекрасным собеседником. Полный юмора и даже не лишенный романтизма. И в то же время не сложный, не пытающийся выпендриться и что-то мне доказать. Мне очень нравилось, что я могу с кем-то вот так лежать на лавке в парке в незнакомом городе, а он будет просто читать книгу и не станет от меня ничего требовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.